

DOI: 10.31862/0130-3414-2021-4-40-48

А.В. Игнатьева

Российский государственный педагогический университет
имени А.И. Герцена,
191186 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Спасительный зов Вечной Женственности в творчестве В.Г. Распутина (от «Рудольфио» и «Уроков французского» к рассказу «Наташа»)

Аннотация. Идеал женского образа всегда был непосредственно связан с трактовкой важнейшего для русской ментальности феномена Женственности, который считается философами определяющим самобытность русской нации и даже представляется символом ее самоопределения. В статье впервые рассматривается категория Вечно Женственного в контексте творчества В.Г. Распутина. Цель исследования: определить истоки зарождения одной из наиболее важных тем для художника второй половины XX в., проследить пути и специфику ее развития. Методологически статья базируется на комплексном подходе, включающем использование текстологического, сравнительно-исторического, культурно-исторического и феноменологического методов. Анализ художественных текстов позволил прийти к следующим результатам: 1) стремление В.Г. Распутина к осмыслению феномена Женственности вполне очевидно уже в самом начале творчества; 2) уже в ранних текстах художника интересовало значение Женщины и Женственной энергии в духовном мире мужчины, он констатировал их спасительную миссию; 3) поскольку только через них мужчина способен приобщиться к тайнам бытия; 4) в современном мире классик увидел угасание Женственности, необходимой для поддержания мировой гармонии; 5) образ девушки-ангела в творчестве В.Г. Распутина типологически восходит к женскому образу, рожденному поэтами русского духовного ренессанса и их предшественниками. Постигание глубинного смысла центрального в творчестве В.Г. Распутина женского образа раскрывает новые грани идейного смысла произведений автора, освещает духовно-нравственные проблемы современности и открывает пути их преодоления. Что несомненно и актуально, и необходимо требует быть в центре внимания на уроках литературы в современной школе.

Ключевые слова: В.Г. Распутин, женский образ, Вечная Женственность, Вечная Мужественность, идеал, духовное развитие, нравственность

© Игнатьева А.В., 2021

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Игнатьева А.В. Спасительный зов Вечной Женственности в творчестве В.Г. Распутина (от «Рудольфио» и «Уроков французского» к рассказу «Наташа») // Литература в школе. 2021. № 4. С. 40–48. DOI: 10.31862/0130-3414-2021-4-40-48

DOI: 10.31862/0130-3414-2021-4-40-48

A.V. Ignateva

Herzen State Pedagogical University of Russia,
Saint-Petersburg, 191186, Russian Federation

The saving call of femininity in the works of V.G. Rasputin (from “Rudolfio” and “French lessons” to the story “Natasha”)

Abstract. The ideal of a female image has always been related to the interpretation of the most important for Russian mentality phenomenon of Femininity that is considered by philosophers to be the one to determine the identity of the Russian nation and even to be the symbol of its self-determination. It is the first time that the category of Eternal Femininity in the context of V.G. Rasputin's work is referred to. The goal of the research is to determine the origins of one of the most important topics for the artist of the second half of the XX century, to trace the path and specifics of its development. The article is based on the integrated approach that includes the use of textual, comparative-historical, cultural-historical, and phenomenological methods. The analysis of the literary texts makes it possible to conclude the following: 1) Rasputin's striving to understanding the phenomenon of Femininity is already obvious in his early works; 2) even in his early texts the artist was interested in the significance of Woman and Feminine energy for the spiritual world of the man, he acknowledged their saving mission; 3) since only through them the man is able to join the mystery of being; 4) in the modern world the classicist saw fading of Femininity which was necessary to maintain the world harmony; 5) the image of the Angel girl in V.G. Rasputin's work typologically goes up to the female image that was born by the poets of the Russian spiritual renaissance and their predecessors. Understanding of the deep meaning of the central feminine image in V.G. Rasputin's work reveals new facets of the ideological significance of the author's works, illuminates spiritual and moral problems of the modernity, and shows the ways to overcome them. This for no doubt is relevant and important to be in the center of attention in literature lessons in a modern school.

Key words: V. Rasputin, female image, eternal femininity, eternal masculinity, ideal, spiritual development, morality

CITATION: Ignateva A.V. The saving call of femininity in the works of V.G. Rasputin (from “Rudolfio” and “French lessons” to the story “Natasha”). *Literature at School*. 2021. No. 4. Pp. 40–48. (In Russ.). DOI: 10.31862/0130-3414-2021-4-40-48

Выдающийся русский филолог и поэт В.С. Соловьев, оценивая творчество Я.П. Полонского и вспоминая в этой связи вдохновеннейшего английского поэта П.Б. Шелли, утверждал, что «все истинные поэты так или иначе знали и чувствовали... “женственную Тень”, но немногие так ясно говорят о ней» [11], как его современник. Разумеется, и сам мыслитель в своем поэтическом творчестве воспевал веру в «женственную Тень Божества, не изменил вечно юной Царь-девице» [Там же], зная, что только в сохранении такой верности и она – «сверхчеловеческий “запредельный” и вместе с тем совершенно действительный и даже как бы личный источник чистой поэзии» – не изменит ему никогда, «сохранит юность сердца и в ранние, и в поздние годы» [Там же].

Наследником такого сакрально-го чувствования поэтического образа женственности и «поэтической истины» в целом не как создания мечты поэта, но как «истинной сущности всех существ» [Там же] стал первый в ряду «деревенщиков», «поэт-демиург по призванию»¹ В.Г. Распутин. Его высокая проза запечатлела устремленность идеального сознания поэта к мистическому узрению образа жен-

щины как космического потенциала. Приметы этого вполне очевидны уже в начале творческого пути художника. Например, в совершенно особом, резко выделяющимся на фоне других, ранних и поздних произведений художника, рассказе «Рудольфио» (1966), повествующем о первой влюбленности совсем юной девочки. Если оставить осуждение и критику главных героев произведения – женатого Рудольфа и шестнадцатилетней Ио – за скобками и проанализировать текстологические изменения текста и существующие в нем интертекстуальные отсылки, то очевидно раскрывается объективная картина глубины авторского замысла, реализующаяся в многогранности смыслов этого раннего рассказа (см. подробнее: [3]).

Центральный женский образ «Рудольфио» словно бы «окутан тайной природного магнетизма» [Там же, с. 221]. Ио входит в произведение как сказочная героиня, ведущая за собой природную стихию – такой мягкий, пушистый снег, «словно где-то там, наверху, теребят диковинных снежных птиц...» [9, с. 195]. И эта природная стихия, данная в романтическом образе снежных птиц, в свою очередь творит внешний облик героини: «Сквозь платье... у нее пробивались груди, как два маленьких гнездышка, которые лепят неведомые птицы, чтобы выводить в них птенцов» [9, с. 201]. Портретная характеристика Ио первой публикации рассказа в альманахе «Ангара»²

¹ Плеханова И.И. Валентин Распутин – поэт: факторы поэтического самосознания // Альманах «Русский мир». URL: <http://russculture.ru/2018/08/26/%D0%B8%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B0-%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D1%85%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0-%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B8%D0%BD-%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BF%D1%83%D1%82%D0%B8%D0%BD/> (дата обращения: 06.04.2021).

² Впервые рассказ «Рудольфио» был опубликован в № 2 альманаха «Ангара» за 1966 г.

отличается от последующих: она лишена сравнения с «неведомыми птицами». Подобное уточнение, внесенное автором, очевидно, свидетельствует о его стремлении более рельефно выделить идею сращенности женского/женственного начала и природы, подчеркнуть таинственность конкретного женского образа. Центральный мотив «диковинности» образа Ио, выделенный, кажется, на всех уровнях: от национальности и имени до социальной отчужденности – нивелирует его плотское начало (соответственно и плотское желание героя) и приближает к сфере Души.

Искренним порывом, чистотой чувства и непосредственным творческим отношением к жизни Ио открывает Рудольфу мир иных чувств, раздвигает рамки его сознания: «Когда она ушла, он почувствовал, что ему стало тоскливо, он был полон какой-то необъяснимой, еще не открытой тоски, тем не менее существующей в природе» [Там же, с. 202]. Так, в этом раннем рассказе еле приметными штрихами начинается обозначаться в будущем устойчивый мотив всего творчества В.Г. Распутина – мотив тоски героя по познанию Истины и гармонии, где неизменный проводник – женское/женственное начало. А включение автором в текст произведения после первой его публикации финального отнюдь не праздного вопроса героя «А куда же дальше?» выдвигает в центр читательского внимания осознание Рудольфом ущербности своей души и необходимости дальнейшего духовного развития.

Нет никаких сомнений в том, что уже в «Рудольфио» В.Г. Распутин «нащупывал» особенности проявления женского начала, пути осознания сущности Вечной Женственности, представленной в ипостаси Невесты, ее роли в душевном мире мужчины, в раскрытии его духовного потенциала.

И.И. Плеханова справедливо отметила, что Распутин, следуя принципу «гуманистического самоограничения», жертвуя «широтой ради глубины», совершает резкий поворот от «городской» интеллектуально-лирической прозы (от рассказа «Рудольфио») к народной речи и природному образу мыслей, отказавшись писать «о горожанах, в том числе об интеллигенции» [7, с. 9]. Поворот этот, вероятно, и был стремителен, однако в творчестве писателя сохранился флер таинственности и воздушности женского образа, идущий от «Рудольфио».

Со всей очевидностью тенденция эта проявилась в рассказе «Уроки французского» (1973), где образ главной героини соединил в себе уже национальные черты и ту «диковинность», которая была свойственна образу Ио. Неслучайно Лидия Михайловна необыкновенная, непохожая на всех остальных [8, с. 241] – учительница французского языка в школе районного центра, языка «загадочно... от которого... исходило что-то особое, сказочное, не подвластное любому-каждому» [Там же, с. 235]. Конечно, можно возразить, напомнив о том, что повесть имеет автобиографическую основу и писатель просто перенес свои личные воспоминания на бумагу. Однако важно то, что такой женский образ оказался в самом фокусе сознания Распутина. Очевидно, что и перенос этот осуществился не без художественного осмысления интересующего автора вопроса о женской сущности. Внешность и красота школьной учительницы приближаются к идеализации: она «аккуратная вся, умная и красивая, красивая в одежде и в своей женской молодой поре», с «легким» голосом, «словно бы от прищипанности» [8, с. 235]. Необыкновенная женственность Лидии Михайловны создается выписанным мягким воздушным пространством вокруг нее,

диковинными для деревенского мира запахами. И запах духов ее воспринимается автором и рассказчиком «за самое дыхание» [Там же], и даже воздух ее дома столь «неожиданный и необыкновенный», «пропитанный легкими и незнакомыми запахами иной... жизни» [8, с. 240]. Словом, здесь читается не только характерное для ученика преклонение перед молоденькой учительницей, питающейся словно «манной небесной» [Там же, с. 241], но и молодого мужчины-художника перед персонифицированным образом Вечной Женственности.

Главная «форма, в которой находит и выражает себя женственность, в гораздо большей мере направлена вовне, наружу» [2, с. 404]. Это и есть «бытие-для-другого», «бытие для мира», «связность всякой индивидуальности», берущей начало в недрах Вечной Женственности [Там же]. В рассказе «Уроки французского» эта черта русского самосознания воплотилась в главном поступке его героини, утвердившем другого вместо себя. Иными словами, молодая учительница пожертвовала своей репутацией, уважением коллег и работой во имя спасения голодного мальчика.

Воспевая женский образ от текста к тексту, говоря словами В.С. Соловьева, не изменяя вечно юной царь-девице, Распутин познает и ее верность, сохраняющую «юность сердца и в ранние, и поздние годы» [11], услышит ее спасительный зов, ведущий к жизни и творчеству.

Как известно, в конце 1970-х гг. В.Г. Распутин отдал предпочтение произведениям публицистического жанра, стремясь прямо и непосредственно откликнуться на злободневнейшие проблемы народной жизни. Писатель тяжело переживал со все большей очевидностью надвигающиеся социально-нравственные потрясения в обществе и, как отмечает

В. Курбатов, был «долго и тяжело болен до того предела, за которым может стать последняя тьма» [5, с. 168]. Но в 1981 г. художник создал три совершенно оригинальных, или, как их называют, «странных» лирических рассказа, в которых внимание сосредоточено не столько на острых вопросах общественной жизни, сколько на постижении вечного и потаенного в мире. С момента написания этих произведений в творчестве художника, как замечает И.И. Плеханова, «совершился поворот... в сторону явной метафизики»³. Первым среди них был рассказ «Наташа».

Если в ранних произведениях В.Г. Распутина («Рудольфио», «Уроки французского») в центре находится все-таки земной проводник Вечно Женственного – реальная женщина, и женский образ здесь создается с помощью отдельных штрихов идеализации, то в этом позднем рассказе впервые энергия художника направлена на поиск образа Вечной Женственности в области идеала. Он является герою произведения как бы в пограничном состоянии, между сном и реальностью. Отсюда и разделение художественного пространства текста на два мира – физический и метафизический. Фрагмент рассказа о последнем рождает целый поток ассоциаций, отсылающих к поиску Вечной Женственности поэтами эпохи русского духовного ренессанса.

Так, в своей грезе-сне герой, находящийся в «тревожном восторженном

³ Плеханова И.И. Валентин Распутин – поэт: факторы поэтического самосознания // Альманах «Русский мир». URL: <http://russculture.ru/2018/08/26/%D0%B8%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B0-%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D1%85%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0-%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B8%D0%BD-%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BF%D1%83%D1%82%D0%B8%D0%BD/> (дата обращения: 30.03. 2021).

ожидании» с «пристальным, предчувствующим что-то вниманием» [8, с. 279], от чего, как ему кажется, «изменится вся... жизнь» [Там же], напоминает нам душевный трепет лирического героя символистов, точно выраженный словами А.А. Блока: «Предчувствую Тебя...».

Сияние «пышущей голубизны» Байкала, ослепительное солнце, небо «чистое и глубокое» предвещают явление «Лучезарной подруги». Словно соловьевская Жена, облаченная в солнце, или блоковская «дева, заря, купина» появляется на закате распутинская девушка-ангел, вобравшая в себя всю красоту солнечного света и преображенная им. И все вокруг «с ее появлением... незаметно меняется, точно перестраивается для какого-то действия» [Там же, с. 280]. Основная тенденция вполне видимых изменений – отрыв от земли всего сущего, его «дальняя вознесенность к небу»: и главной поляны, и ясно-го Байкала; но и встречная устремленность солнца к земле: «Солнце, только что державшееся над головой, упало близко к закату, и теплый свет его идет низко над землей» [Там же]. Словом, слияние воды/земли и неба/солнца. В рождении такого всеединства, «всебытия» начинается полет, ведомый светловолосой девушкой и олицетворяющий творческую устремленность человеческого духа к его источнику. Таким источником, центром космоса в рассказе предстает образ солнца, рождающий новое сладостное чувство бытия и «сладостную тягу рвануться... и никогда не остановиться», желание «чего-то большего, окончательного» [Там же, с. 281].

Всецелая и беспредельная жажда повествователя отдаться во власть солнцу воскрешает в памяти духовный порыв лирического героя В.С. Соловьева:

Под чуждой властью знойной вьюги
Виденья прежние забыв,
Я вновь таинственной подруги
Услышал гаснущий призыв.
И с криком ужаса и боли
Железом схваченный орел –
Затрепетал мой дух в неволе,
И сеть порвал, и в высь ушел.
И на заоблачной вершине,
Пред морем пламенных чудес,
Во всесияющей святине
Он загорелся и исчез.

[11]

Однако Муза Распутина обладает даром ограничения (И.И. Плеханова определила художника «как гения самоограничения» [7, с. 11]). Она не дает постичь «все объединяющую и все разрешающую тайну, в которой от начала до конца сошлась жизнь» [8, с. 282]. Девушка «с усталой и беспокойной улыбкой» остановит героя в шаге от познания «горького ее груза» [Там же].

Происходит это, вероятно, потому что идеал Распутина, преображенный Красотой, не порывает с человеческой природой. Полет позволяет всмотреться в те многоликие свойства и детали, которые составляют сущность красоты, раскрывает творческую созерцательность, когда можно «всматриваться и вслушиваться в творящуюся вокруг... жизнь», видеть и чувствовать все, услышать лад общей музыки [8, с. 281, 282], т.е. вобрать в себя все то, что является основой творчества.

Женственность дарует герою вечно напряженное стремление к восстановлению связей с уже познанной им гармонией, что означает бесконечное «узнавание себя», открытие граней своей души и духа, не слияние, но вечную устремленность к слиянию с источником Духа, всеобщей связности всего со всем, а в мире В.Г. Распутина – с «единым для всего чувствительным» [8, с. 270]. Если главный герой

раннего рассказа «Рудольфио» только почувствовал необъяснимую, еще не открытую тоску, тем не менее существующую в природе [9, с. 202], то герой рассказа «Наташа» впервые в творчестве Распутина, «посмотрев с высоты на землю» [8, с. 282] вместе с таинственной девушкой, смог постичь «наконец истинную меру и тревоги, и печали, и тоски», относящуюся «ко всему, ко всему вокруг» [Там же].

«Женственная тень» в ее трансцендентальной или русско-сказочной оболочке [6] находит совершенно конкретное воплощение в конкретной женщине в той части рассказа, которая повествует о мире физическом. «Девушка из сна», пробудившая в герое новые духовные силы, вновь приходит к нему в реальности теперь уже в образе больничной сестры Наташи, чтобы дать ему душевные силы для преодоления болезни физической. Моменты ее появления определяются критическим состоянием героя, иначе говоря, она приходит тогда, когда ему необходима ее «неведомая» сила.

В реальном мире Наташа обладает той же гармоничной целостностью, близкой к идеалу: она «рослая и пухлая, но в пухлости своей какая-то вся аккуратная, без излишеств, и заманчивая, словно бы так с самого начала и задуманная» [8, с. 274]. Она сохраняет в себе черты небесной тайны, четко просвечивающиеся в воздушности ее образа: «В сумерках ее фигура показалась мне выше и легче, точно парила в воздухе» [Там же, с. 278]; в умении появляться «всегда... тихо и незаметно» [Там же, с. 275] в вечерний, возможно, закатный час с «робкой и обнадеживающей» улыбкой [Там же, с. 274].

Всеим своим существом героиня источает какую-то бесконечную ласку, милость, особую силу доброты, перед которой отступают грубость и хамство,

а в ответ только «душа затепляется» [Там же, с. 275]. Распутин увидел в нравственной красоте этой женщины силу, способную противостоять злу и сохранять основы жизни. Так, он отметит, что на Наташу «смотрели как на человека века немножко не от мира сего, на одну из тех, без странностей, причуд и наивных глаз которых мы, люди мира сего, давно свихнулись бы в своем могучем поживательстве и пожинательстве, давно свернули бы себе шею, если бы нас не останавливало их робкое непонимание» [Там же].

Чрезвычайно важно, что такие качества женственности, как простодушие, робость, стеснительность и нравственное величие, писатель определил как качества русской женщины, обладающей «цветущим добротой лицом, встретив которое даже где-нибудь в Австралии или Новой Зеландии, можно без опаски заговаривать по-русски» [8, с. 274].

Образ Наташи выступает в одноименном рассказе Распутина ангелом-хранителем и спасителем героя, «типологически восходящим к пушкинскому – “как мимолетное виденье, как гений чистой красоты”» [4, с. 27], к образу соловьевской Жены, облеченной в Солнце, абрис которого просматривался уже в поэзии А.А. Фета, а впоследствии страстно пленил молодого А.А. Блока [1, с. 65]. Наташа стала ангелом-спасителем не только для героя рассказа. Создание ее образа свидетельствовало о трудном процессе преодоления творческого кризиса, в котором в это время находился писатель. Распутин позднее признавался, что именно «“Наташа” спасла его, сама возможность написать рассказ, когда казалось, что он больше не возьмет перо» [Цит по: 5, с. 181]. В.Я. Курбатов с некоторой долей печали заметил, что «его ангел и муза... пообещав приходить, более

не вернется» [Там же]. Возможности возвращения Музы остаются за рамками текста данного рассказа, но в творчестве писателя образ девушки-ангела возникнет вновь, правда, через 20 с небольшим лет – в рассказе «Под небом ночным» (2002).

Ангельскими чертами художник наделил реальную, правда, уже не русскую красавицу, а женщину из народа самии, живущего в предгорье Швеции. Ее уникальность не в изысканной или экзотической красоте; напротив, лицо ее «самое обыкновенное полудикарское... с беспородным носом» [10, с. 486]. Но чудо ее – голос, «мягкий, нежный, ласковый, чистый. Он ее всю преобразил. Она не говорила, а пела» [Там же]. Героиня, преображенная звуками собственного голоса как «чудным музыкальным инструментом», видится одному из героев рассказа словно бы «неземным», «ангелоподобным» существом, с маленькими взлетающими грудками, что тотчас же напоминает нам романтический образ Ио с грудками-гнездышками, свитыми неведомыми птицами. Эта трепетная девушка, рожденная на остатках восхождения человека к своему совершенству [Там же], остается в памяти как мечта всех героев произведения, сопряженная со все той же мужской тоской по идеалу. «Это мы, мужики, о себе тоскуем» [Там же, с. 487], – заключает один из них, констатируя практически тотальную нехватку

энергии женственности в современных женщинах и современном мире. Печальный вывод героя – это и согласованная с автором тоска по энергии мужественности, подспудное мужское желание воспрянуть из полудремотного состояния для совпадения с собой, вновь ощутив устремленность собственного духа.

И. Богин, продолжая размышления русских философов о роли и значении Вечной Женственности, утверждает: «Созидательный элемент Вечной Мужественности действителен только благодаря взаимодействию с Вечной Женственностью и никак иначе. Не существует никакой Вечной Женственности... без Вечной Мужественности» [2, с. 463]. Очевидно, что этот образ «истины» о взаимообусловленности двух основных энергий бытия эскизно набрасывался В.Г. Распутиным уже в «Рудольфио» и был ярко прорисован в зрелом и позднем рассказе художника – «Наташа» и «Под небом ночным».

В.Г. Распутин, «поэт-деревенщик», в своих творческих (духовных) поисках вслед за В.С. Соловьевым, А.А. Блоком и другими поэтами стремился «прикоснуться» к Вечно Женственному, понятому как «всеобщая связь, вечная связность Всего со всем, субстанция и абсолютная личность всякого соединения... связь Бога и мира, Бога и человека, Духа и природы» [2, с. 402].

Библиографический список

1. Авраменко А.П. Блок и русские поэты XIX века. М., 1980.
2. Богин И. Вечная Женственность. СПб., 2003.
3. Игнатьева А.В. У истоков мотива «родной души» в творчестве В.Г. Распутина (концепция рассказа «Рудольфио») // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2008. № 7. С. 218–227.
4. Кузина А.Н. Рассказ В.Г. Распутина «Видение» в контексте прозы писателя // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2010. № 6. С. 26–31.
5. Курбатов В.Я. Долги наши. Валентин Распутин: чтение сквозь годы. Иркутск, 2007.
6. Лагунов А.И. О трансформации поэтической образности А.А. Фета в лирике Вл. Соловьева // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. 2012.

- № 1014. Сер. «Филология». Вип. 65. URL: https://web.archive.org/web/20160304074908/http://www-philology.univer.kharkov.ua/nauka/e_books/visnyk_1014/content/lagunov.pdf (дата обращения: 30.03.2021).
7. Плеханова И.И. Предисловие // Творческая личность Валентина Распутина: живопись – чувство – мысль – воображение – откровение: сборник научных трудов. Иркутск, 2015. С. 6–11.
  8. Распутин В.Г. В ту же землю. Повести, рассказы. М., 2001.
  9. Распутин В.Г. Живи и помни. Повесть, рассказы. М., 1975.
  10. Распутин В.Г. Собрание повестей и рассказов в одном томе. М., 2017.
  11. Соловьев В.С. Собрание сочинений: В 10 т. 2-е изд. Т. 7. СПб., 1914.

References

1. Avramenko A.P. Blok i russkie poety XIX veka [Blok and Russian poets of the 19th century]. Moscow, 1980. (In Russ.)
2. Bogin I. Vechnaya Zhenstvinnost [Eternal Femininity]. St. Petersburg, 2003. (In Russ.)
3. Ignateva A.V. At the origins of the “soul mate” motive in the works of V.G. Rasputin (concept of the story “Rudolfio”). *Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 2008. No. 7. Pp. 218–227. (In Russ.)
4. Kuzina A.N. The story by V.G. Rasputin “Vision” in the context of the writer’s prose. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*. 2010. No. 6. Pp. 26–31. (In Russ.)
5. Kurbatov V.Ya. Dolgi nashi. Valentin Rasputin: chtenie skvoz gody [Our debts. Valentin Rasputin: Reading through the years.]. Irkutsk, 2007. (In Russ.)
6. Lagunov A.I. About the transformation of poetic imagery by A.A. Feta in the lyrics of Vl. Solovyova. *Visnik Harkivskogo nacionalnogo universitetu im. V.N. Karazina*. 2012. No. 1014. “Filology”. Issue 65. URL: https://web.archive.org/web/20160304074908/http://www-philology.univer.kharkov.ua/nauka/e_books/visnyk_1014/content/lagunov.pdf (In Russ.)
7. Plekhanova I.I. Foreword. *Tvorcheskaya lichnost Valentina Rasputina: zhivopis – chuvstvo – mysl – voobrazhenie – otkrovenie: sbornik nauchnykh trudov*. Irkutsk, 2015. Pp. 6–11. (In Russ.)
8. Rasputin V.G. V tu zhe zemlyu: Povesti, rasskazy [To the same land. Novels, stories]. Moscow, 2001. (In Russ.)
9. Rasputin V.G. Zhivi i pomni. Povest, rasskazy [Live and remember. Novel, stories]. Moscow, 1975. (In Russ.)
10. Rasputin V.G. Sbranie povestey i rasskazov v odnom tome [Collection of novels and stories in one volume]. Moscow, 2017. (In Russ.)
11. Solovyov V.S. Sbranie sochineniy: V 10 t. [Collection of works in 10 vols.]. Vol. 7. 2 ed. St. Petersburg, 1914.

Статья поступила в редакцию 10.04.2021, принята к публикации 20.05.2021
The article was received on 10.04.2021, accepted for publication 20.05.2021

Сведения об авторе / About the author

Игнатъева Анастасия Владимировна – кандидат филологических наук; доцент кафедры интенсивного обучения русскому языку как иностранному, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург

Anastasia V. Ignateva – PhD in Philology; Assistant Professor at the Department of Intensive Teaching Russian as a Foreign Language, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg

E-mail: nafynya@yandex.ru